

«ДЕРЕВНЯ» ПУШКИНА И АНТИКРЕПОСТНИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КОНЦА 1810-х ГОДОВ

Статья Г. М. Дейча и Г. М. Фридлиндера

I

Стихотворение «Деревня», написанное летом 1819 г., — один из самых выдающихся памятников вольнолюбивой лирики Пушкина, отразившей подъем освободительной мысли декабристов. Со страстным негодованием и глубокой убежденностью молодой Пушкин выступил в «Деревне» против крепостного права. Продолжая обличительную антикрепостническую традицию Радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», Пушкин нарисовал здесь проникнутую негодованием и протестом, поразительную по точности и бичующей силе каждого слова, картину крепостного рабства:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь *барство* дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

Несмотря на то, что «Деревня» создана в раннюю пору развития дворянской освободительной мысли, в период Союза Благоденствия, и несет на себе печать своего времени, стихотворение это принадлежит к числу наиболее значительных произведений всей гражданской поэзии эпохи декабризма, направленных против крепостного права. Из произведений, отразивших идеи следующего периода в развитии дворянских революционеров, рядом с «Деревней» можно поставить только «Горе от ума» и агитационные песни Рыльева и Бестужева. «Деревня», сразу же после своего появления широко разошедшаяся в списках, сыграла огромную агитационную роль и оказала исключительное влияние на идейное развитие участников декабрьского восстания. И. Д. Якушкин и И. И. Пущин, перечисляя в своих записках стихотворения Пушкина, которые были известны наизусть всякому «живому человеку» в России в годы, предшествовавшие восстанию, ставят «Деревню» на первое место¹.

Выдающееся значение в борьбе с крепостным правом «Деревня» сохранила и после восстания 14 декабря. В 1856 г. она была опубликована Герценом в «Полярной звезде». «Автору „Деревни“ удалось с такой потрясающей силой сказать о доле крепостного народа, какой после Радищева до Некрасова» не было выражено, — справедливо утверждал Н. Л. Бродский². Но и после Некрасова, наряду с произведениями великого поэта крестьянской демократии 60-х годов, «Деревня», так же

как и другие стихотворения Пушкина, отразившие подъем передовой дворянской мысли 1810-х годов, продолжала сохранять свою огромную воспитательную роль для многих поколений, которым она внушала сочувствие к народным массам, свободолюбие и ненависть к угнетению человека человеком.

Стихотворение «Деревня» написано в Михайловском, куда Пушкин приехал из Петербурга 12—13 июля 1819 г. и где он провел около месяца — до 11—12 августа³. Исследователи жизни и творчества поэта не раз отмечали, что в первой половине стихотворения дано обобщенное, но при этом и «совершенно точно, с натуры воспроизведенное изображение природы, окружающей село Михайловское»⁴. Еще современники высказывали мысль, что в основу картины «дикого» барства и «тошего» рабства в «Деревне» легли непосредственные, живые впечатления молодого Пушкина от псковской крепостной деревни. «Пушкин возвратился из деревни, которую описал», — сообщал 26 августа 1819 г. А. И. Тургенев своему младшему брату С. И. Тургеневу⁵. А в письме к П. А. Вяземскому, написанном в тот же день, А. И. Тургенев спрашивал: «Пришлал ли я тебе „Деревню“ Пушкина? Есть сильные и прелестные стихи, но и *преувеличения на счет псковского хамства*»⁶.

Термин «хамство» имел в кружке братьев Тургеневых специфическое значение. «Хамами» Н. И. Тургенев и его братья называли реакционеров, в особенности, помещиков-крепостников⁷. Указывая, что в «Деревне» отразилось негодование Пушкина, вызванное картинами «псковского хамства», А. И. Тургенев (основываясь, без сомнения, на рассказах самого поэта) прямо связывал данное Пушкиным изображение «тошего» рабства с впечатлениями, вызванными поездкой поэта в Михайловское.

Из анализа записок и показаний декабристов вытекает естественный вывод, что росту антикрепостнических настроений у очень значительного числа участников декабристского движения способствовали жизнь в деревне и непосредственное столкновение с проявлениями крепостнического произвола. Так, член Южного общества Н. А. Крюков заявил во время следствия: «На съемке в Подольской губернии увидел я, до какой степени простирается угнетение крестьян помещиками». Другой декабрист, Н. В. Басаргин, показал: «в 1819 г., будучи на съемке в Московской губ., мне случилось стоять в деревне у одного помещика, коего обращение с крестьянами дало мне первую мысль или, лучше сказать, желание сделать их свободными»⁸. Чрезвычайно ярко протест, вызванный столкновением с крепостнической действительностью во время пребывания в деревне, отразился в дневнике, который вел член Союза Благоденствия восемнадцатилетний А. А. Тучков, летом 1818 г., во время командировки в Тульскую губернию. Дневник этот во многом непосредственно перекликается с пушкинской «Деревней»⁹. В. К. Кюхельбекер показал во время следствия, что одной из причин, приведших его в Тайное общество, было «угнетение истинно ужасное (говорю не по слухам, а как очевидец, ибо жила в деревне не мимоездом), в котором находится большая часть помещичьих крестьян»¹⁰. В свете этих показаний Кюхельбекера не трудно понять, какую большую роль должна была сыграть жизнь в Михайловском для молодого Пушкина.

До своего посещения Михайловского в 1817 г. Пушкин бывал в деревне лишь в детстве. Во время поездок в Михайловское в 1817 и 1819 гг. поэт впервые мог длительно наблюдать жизнь крепостной русской деревни. В эти годы, а также позднее, в 1824—1826 гг., когда Пушкин безвыездно жил в Михайловском, под влиянием окружавшей поэта действительности формировались его взгляды на русского крестьянина, о котором Пушкин позднее с гордостью писал: «Есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить

нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны¹¹. Картины псковской крепостной деревни отразились не только в стихотворении «Деревня», но и в «Евгении Онегине», и в «Дубровском», и в «Истории села Горюхина»¹².

Между тем, и в литературе о Пушкине, и в специальной исторической литературе мы находим лишь случайные, очень скудные сведения об экономике и быте псковской деревни 1810—1820-х годов. Несколькими яркими, но разрозненными штрихами, характеризующими быт дяди Пушкина, П. А. Ганнибала, и двух-трех соседей поэта, ограничивается тот материал, который собран до сих пор о крепостной псковской деревне эпохи Пушкина и который вошел в биографическую литературу о поэте¹³. Обращение к неизданным материалам, хранящимся в центральных и местных архивохранилищах, позволяет значительно расширить круг наших сведений о жизни крепостной псковской деревни времен Пушкина, отразившейся в стихотворении «Деревня» и в других, позднейших произведениях великого поэта.

II

Псковская губерния принадлежала в начале XIX в. к числу тех губерний, где положение крепостных крестьян было особенно тяжелым. Это были вынуждены признавать даже представители правительственной администрации. После того как в Псковской губернии в 1826 г. прокатилась волна крестьянских волнений, из которых многие были столь значительны, что не могли не вызвать серьезного внимания правительства¹⁴, псковский генерал-губернатор и рижский военный губернатор Ф. О. Пауллучи подал в «Секретный комитет» (созданный 6 декабря 1826 г. Николаем I для обсуждения тех мероприятий, которые нужно провести в России, чтобы приостановить развитие революционного движения) три записки по крестьянскому вопросу. В одной из них, от 4 февраля 1828 г., Пауллучи в осторожной форме высказывал мысль, что причиной крестьянских волнений в Псковской губернии было невыносимо тяжелое положение крестьян и произвол помещиков.

«В Псковской губернии, — писал Пауллучи, — помещичьи крестьяне, по совершенно беззащитному положению своему, внушают искреннее участие. Отеческое законодательство предоставило их с весьма малым ограничением произволу помещиков, которые, большею частью вышед в малый чин в государственной службе, потому что по непросвещению своему не могут надеяться занять когда-либо важных степеней, возвращаются в свои поместья и стараются над бедными, подвластными им поселениями поселить страх, заменяющий им в глуши деревни уважение света.

Жестокое обращение и почти мучения, которые помещики заставляют претерпевать своих крестьян, хотя уже слишком известны, но при всем том еще должны показаться невероятными»¹⁵.

Пауллучи был вынужден признать, что жалобы крепостных на помещиков оканчивались неизменно наказанием крестьян, помещики же всегда оставались безнаказанными. Особенно тяжелое положение псковского крестьянства требовало, по мнению Пауллучи, принятия сверх общих мер по крестьянскому вопросу еще особых мер местного характера. Пауллучи предлагал Комитету три практических меры: 1) ограничить в имениях, отданных опекой в аренду, власть арендаторов над крестьянами; 2) запретить продажу крестьян без земли; 3) специально для Псковской губернии отменить положение от 3 марта 1822 г., возвратившее помещикам право ссылать крестьян без суда на поселение в Сибирь. Все три записки Пауллучи были оставлены Комитетом без последствий¹⁶.

Псковская губерния принадлежала к числу тех нечерноземных губерний России, где основную массу крестьянского населения составляли помещичьи крестьяне¹⁷, а подавляющая масса земли была сосредоточена в руках средних и мелких помещиков. Тут преобладала наиболее тяжелая — барщинная — форма эксплуатации крестьянства. В отличие от других нечерноземных губерний, где в первой половине XIX в. барщина как форма феодальной эксплуатации крестьянства постепенно заменялась оброком, в Псковской губернии даже к середине XIX в. барщина продолжала господствовать в 77% всех помещичьих имений. По степени развития оброчной системы эксплуатации Псковская губерния к 1861 г. занимала среди нечерноземных губерний последнее место¹⁸.

Развитие капитализма в недрах феодально-крепостнического строя и приспособление помещичьего хозяйства к потребностям растущего рынка приводило здесь, как и повсюду, не к ослаблению, а, наоборот, к еще большему усилению эксплуатации крестьянства. Уже в XVIII в. сельское хозяйство Псковской губернии специализировалось на производстве льна, составлявшего одну из главных товарных культур в условиях крепостного хозяйства. Близость Псковской губернии к столице, развитие торговли льном, хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами, рост дворянских потребностей побуждали псковских помещиков, так же как и помещиков других губерний, расширять господскую запашку, уменьшая крестьянские наделы, увеличивать барщину и другие повинности. В результате систематической отрезки помещиками земли у крестьян (при одновременном росте крестьянского населения) крестьянские наделы были недостаточными для того, чтобы обеспечить прокормление крепостных и их семей. В то же время, как указывал Паулуччи, крестьяне Псковской губернии не имели «кроме земледелия никакого другого промысла»: в Псковской губернии, в условиях господства барщины, не получили широкого развития кустарные промыслы, которые издавна существовали в центральных и в ряде северных губерний¹⁹.

В «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин рассказывает о помещике, которого знал в молодости (возможно, поэт имел при этом в виду одного из своих псковских соседей): «Сделавшись помещиком двух тысяч душ, он нашел своих крестьян, как говорится, избалованными слабым и беспечным своим предшественником. Первым старанием его было общее и совершенное разорение. Он немедленно приступил к совершению своего предположения и в 3 года привел крестьян в жестокое положение. Крестьянин не имел никакой собственности — он пахал барскою сохою, запряженной барскою клячею, скот его был весь продан, он садился за спартацкую трапезу на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба. Одежда, обувь выдавались ему от господина...». Помещик этот «был убит своими крестьянами во время пожара».

В цитированной выше записке Паулуччи приводится ряд фактов, наглядно свидетельствующих о том, что хозяйство описанного Пушкиным помещика не было исключением. Так, из изложенного в ней дела о смерти от голода в 1824 г. трех крепостных помещика Караулова Торопецкого уезда явствует, что Караулов кроме «непомерных работ» изнурял крестьян «голодом», отобрав у них землю и выдавая им свой хлеб, который заключал «может быть только $\frac{1}{6}$ часть ржаной муки, прочее же состояло из соломы и овсяной пыли». В жалобе, поданной в 1812 г. крестьянами помещика Опочецкого уезда Я. П. Бухвостова, доставшимися после смерти его наследникам, говорится, что последние «крестьян привели в крайнее разорение и дома отобрали от некоторых, себе построили сельцы и некоторых взяли в господские дворы, а имущество отобрали в свои пользы»²⁰. Псковские помещики, чтобы расширить свою запашку, старались захватить не только землю своих крестьян, но и земли,

Деревня

Искусственный мост, искусственный канал,
Искусственный мостик, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал

Искусственный мост, искусственный канал,
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал

Искусственный мост, искусственный канал,
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал

Искусственный мост, искусственный канал,
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал
Искусственный мост, искусственный канал

М. Г. Пушкин

принадлежавшие государственным крестьянам. В 1815—1817 гг. в Псковской губернии имели место многочисленные волнения государственных крестьян, вызванные отрезкой у них земель в пользу помещиков. Волнения эти были настолько серьезны, что Александру I пришлось издать специальное распоряжение о прекращении отрезки на неопределенное время. Однако наделы крестьян и в дальнейшем продолжали сокращаться. В записке о положении государственных крестьян Псковской губернии, внесенной в 1826 г. в Комитет министров, Паулуччи указал, что «крестьяне казенного ведомства живут весьма бедно» и что главной причиной этого является недостаток земли²¹. Следует иметь в виду, что положение помещичьих крестьян было хуже положения государственных крестьян: по данным Паулуччи, на ревизскую душу государственных крестьян приходилось земли по 3—4 десятины, тогда как наделы помещичьих крестьян не превышали в среднем 1—2 десятины.

Наряду с уменьшением крестьянских наделов шло усиление эксплуатации. Редкий помещик Псковской губернии ограничивался трехдневной барщиной. Заставляя крестьян работать на барщине до 4—5 дней в неделю (а в отдельных случаях предоставляя крестьянам возможность работать на их собственных участках лишь после окончания работ на господской земле), помещики сверх этого налагали на них денежные и натуральные поборы, требовали, чтобы они выполняли различные сезонные и домашние работы. Иногда помещики посылали своих крестьян отбывать барщину в другие уезды и даже губернии, а также использовали их на различных подрядах.

Тяжелым было положение не только барщинных, но и оброчных крестьян, так как величина оброка в начале XIX в. непрерывно возрастала. О том, в каких размерах и какими быстрыми темпами совершалось в первой четверти XIX в. повышение оброка, мы можем судить по материалам дела о волнении крестьян порховского помещика Ф. С. Кашталинского (1818—1822). Вступив в 1817 г. во владение имением (принадлежавшим его умершему дяде), Кашталинский увеличил оброк со своих 550 крестьян с 11 000 руб. до 25 000 руб. и при этом потребовал уплаты его сразу за два года. Кроме того, Кашталинский ввел дополнительные натуральные и денежные платежи. В результате угроз и прямого насилия им было собрано с крестьян только деньгами 61 746 руб. Увеличение оброка вызвало протест крестьян, отказавшихся повиноваться помещику. Не ограничиваясь посылкой ходоков к Александру I в Петербург и в Царское село, крестьяне Кашталинского несколько раз останавливали экипаж царя при проезде его через Псковскую губернию (на пути из Петербурга в Варшаву) и просили о переводе в казну. Часть из них оставила свои дома и скрывалась в лесах. Для подавления волнения на территорию имения Кашталинского была введена воинская команда, а само имение отдано в опеку, однако уже вскоре опека была снята и крестьяне возвращены под управление помещика²².

Характерно, что впоследствии, в «Путешествии из Москвы в Петербург», говоря, что обычно крестьянский оброк «не разорителен», Пушкин в скобках замечает: «кроме как в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности усиливает и раздражает корыстолюбие владельцев»²³. В этом мимоходом брошенном замечании можно видеть также и отражение псковских впечатлений поэта.

III

Молодого Пушкина при посещениях Псковской губернии должны были поразить не только нищета и угнетение, но и полная бесправность крестьян. Из крестьянских жалоб и донесений местных властей мы узнаем

о разлучении семей и продаже крепостных по одиночке, о сдаче «провинившихся» в рекруты и ссылке в Сибирь по требованию помещиков, о продаже крестьян на фабрики и т. д. В 1820 г. один из псковских соседей Пушкина, Н. С. Креницын (в имении которого бывали С. Л. и Н. О. Пушкины ²⁴), продал в Петербург на чугунный завод Берда 50 мужчин и 39 женщин. Продажа крестьян Креницыным явилась одним из толчков, вызвавших в том же году специальное обсуждение в Государственном совете вопроса о запрещении продажи крестьян без земли. Из-за противодействия крепостников это обсуждение, одним из инициаторов которого был Н. И. Тургенев, не дало никакого положительного результата ²⁵.

Широко распространены в Псковской губернии были жестокие наказания и истязания крестьян.

Убийство крестьянина помещиком произошло во время пребывания поэта в Михайловском в 1819 г. Этот случай мог сделаться известным Пушкину, так как в качестве свидетеля при расследовании дела привлекался его дядя, владелец села Петровского, П. А. Ганнибал.

Из записки по делу о жестоком обращении с крестьянами порховского помещика генерал-майора А. А. Баранова мы узнаем, что «Порховскому нижнему земскому суду Карачуницкого погоста 6-й и 8-й сотские от 30 июля 1819 г. рапортом донесли, что с. Жирного помещик Александр Александров сын Баранов <...> крепостного своего крестьянина дер. Липотяги Григория Иванова наказывал немилосердным образом батожьями, отчего под наказанием тот Иванов в то же время и умер. Сверх сего тем Барановым еще 2 крестьянина так сильно наказываемы были, что находятся в отчаянности...». Григорий Иванов умер после того, как его в течение четырех часов секли розгами несколько крепостных при участии самого помещика, который то бил дубиной умиравшего крестьянина, то пускал ее в ход против «нерадивых» слуг, наносивших Иванову недостаточно сильные, по его мнению, удары. Для этого избияния помещик приказал заготовить пять тележек с розгами, требуя, чтобы сломанные пучки непрерывно заменялись свежими. После девятилетних блужданий «дела Баранова» по разным инстанциям Сенат в 1828 г. окончательно вынес ему оправдательный приговор, ограничившись лишь передачей дела духовным властям для наложения на Баранова церковного покаяния. Допрошенный среди других свидетелей (в 1819—1822 гг.) «поручик Петр Ганнибал» показал, что «генерал-майор Баранов поведения очень хорошего и правил честнейших; что же касается до обращения его с своими крестьянами, то об оном неизвестен». Большая часть других свидетелей-помещиков высказалась в пользу Баранова ²⁶.

О жестоком избиянии и убийствах крестьян помещиками говорит и ряд других дел. В январе 1819 г. в Великолукском уезде возникло дело о смерти крепостного помещицы Абрютиной — Трофимова. Трофимов был четыре раза наказан дворовыми и самой помещицей кнутом. «После чего приказала надеть на шею рогатку, а на ноги железы. А сверх того и руки цепями прикрепить к ножным кандалам крестообразно и цепью приковать к стене и давать ему ежедневно фунт хлеба с водой». Через три дня Трофимов умер от ран и истощения. Как и Баранов, Абрютина была в 1824 г. оправдана Сенатом ²⁷.

Издательствам и мучительным истязаниям крестьян подвергали не только помещики, но и представители дворянской администрации. 5 июня 1819 г. псковский губернский прокурор был вынужден подать министру юстиции Д. И. Лобанову-Ростовскому рапорт, в котором он доносил о жалобе на «противозаконные действия» и «жестокости» порховского земского исправника Андреева. Насильственно облагая крестьян платежами в свою пользу и вынуждая их к уплате денег, Андреев крестьян

и крестьянок «при допросах вешал, привязавши за персты тонкой веревкой, с наложенными на ноги и на шею колодками, бил розгами и батогами до тех пор, что оные неоднократно доходили до беспамятства»²⁸.

Одна из характерных черт крепостнического быта, на которой Пушкин с негодованием останавливается в «Деревне», — принуждение крестьянских девушек и женщин к сожительству с помещиком. В Псковской губернии Пушкин мог слышать о большом числе фактов этого рода. В 70 верстах от Михайловского находилось Богдановское — имение Д. Н. Философова (известного в литературе о Пушкине)²⁹. Философов был не только убежденный крепостник (в одном из своих писем к старосте он приказывал доносить ему о крестьянах, не исправившихся после «неоднократного домашнего наказания» «для их истребления вовсе»³⁰), но и владелец крепостного гарема. Со своим гаремом он не расставался даже во время путешествий в Петербург или к «святым местам». Сын Д. Н. Философова, В. Д. Философов (1820—1894), сенатор времен Александра II и муж либеральной общественной деятельницы А. П. Философовой, вспоминал, как он, во время посещения Пушкиным Богдановского, «будучи совсем маленьким» читал в присутствии поэта первую главу «Евгения Онегина»³¹. Очевидно, это посещение поэтом имения Философовых надо отнести ко времени не ранее 1826—1827 гг. Но о порядках, существовавших в имении «Богдановского феодала», поэт мог знать уже в 1819 г., когда он писал «Деревню», так как Философов был знаком с родителями Пушкина. Кроме того, он был приятелем товарища Пушкина по «Зеленой лампе» Я. Н. Толстого. В сборнике стихотворений последнего — «Мое праздное время» (СПб., 1824) — рядом с посланием к Пушкину мы находим послание к Д. Н. Философову³².

В 15 верстах от Михайловского находилось имение псковского предводителя дворянства А. И. Львова, который в 1826 г. давал Бошняку сведения о жизни Пушкина³³. Сыновья Львова, по рассказам современников, отличались не только самодурством, но и развращенностью. Один из них отдал крепостную девушку, которая не захотела стать его фавориткой, на растерзание своему псу³⁴. Из дела об островском помещике Горяинове видно, что в имении Горяинова фактически существовало право первой ночи. Крестьяне жаловались не только на насилия Горяинова над девушками, вступающими в брак, но и на растление им малолетних³⁵.

Жестокое угнетение, насилия и издевательства помещиков вызывали отпор псковских крестьян. В 1814 г. был убит своими крестьянами псковский помещик Окунев. В том же году крестьяне подожгли дом помещика Худякова. В 1815—1817 гг. происходили волнения казенных крестьян из-за отрезки у них земель, в 1818—1822 гг. — волнения в имении Кашталинского. С 1818 по 1830 г., т. е. более десяти лет, продолжались волнения государственных крестьян деревни Лютые Болота Псковского уезда и т. д. Отдельные вспышки крестьянского возмущения в 1826 г. охватили несколько уездов Псковской губернии³⁶.

IV

Содержание пушкинской «Деревни» не исчерпывается, конечно, воспроизведением картины одного лишь местного, псковского крепостного быта: оно несравненно шире. Но то, что и в псковской деревне начала XIX века жестокий крепостнический произвол приобрел большое распространение и что здесь имело место много крестьянских волнений, не прошло бесследно для великого поэта. Наблюдения, сделанные в Михайловском, помогли Пушкину понять общие условия русской жизни того времени.

Зрелость мысли молодого Пушкина проявляется в «Деревне» в том, что поэт выражает негодование не по поводу произвола и безмерного угнетения крестьян в отдельных имениях, а по поводу общего положения вещей. «Убийственный позор» невежества и рабства в пушкинском стихотворении поэт — «друг человечества», находясь в деревне, «печально замечает» *«везде»*. В «Деревне» уже намечен тот обобщающий вывод, который Пушкин сформулировал несколько позднее, в 1822 г., находясь на юге: «политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян»³⁷.

Псковская губерния дала Пушкину запас жизненных впечатлений, на основе которых он мог создать проникнутую чувством и мыслью картину крепостнической действительности; с другой стороны, создание «Деревни» не было бы возможным без связи молодого Пушкина с идейной жизнью той поры, когда создавалось стихотворение, — поры раннего декабризма.

Крестьянский вопрос стоял в центре внимания уже первой декабристской организации — Союза Спасения и ее непосредственной предшественницы — Священной артели³⁸. Но лишь в 1818—1819 гг., в период Союза Благоденствия, в связи с теми пропагандистскими задачами, которые ставила перед собой эта общественная организация, декабристы развернули широкую агитацию в пользу освобождения крестьян.

В марте—апреле 1818 г. часть реакционных кругов и цензура испытывали известную растерянность. 15 (27) марта Александр I выступил в Варшаве, в связи с открытием польского сейма, с той речью, которую Пушкин трезво охарактеризовал в своем «Нюэле» как «сказки». В этой речи царь в туманно-неопределенной форме заявил о своем намерении ввести в будущем в России «законно-свободные постановления», то есть даровать конституцию. Замешательство крепостников усиливалось тем обстоятельством, что в 1816—1817 гг. правительство, по требованию прибалтийских помещиков, провело безземельное освобождение крестьян в Эстляндии и Курляндии и подготавливало такое же безземельное освобождение лифляндских крестьян. На этом фоне слухи о том, что правительство намерено приступить к подготовке отмены крепостного права и в России, не казались абсолютно неправдоподобными.

Некоторые из декабристов заявляли Следственной комиссии, что речь Александра I в Варшаве сыграла определенную роль в их идейном развитии. Это был тактический ход, выбивавший оружие из рук обвинителей декабристов (что не помешало В. И. Семевскому и другим либерально-буржуазным историкам принять эти показания за чистую монету). Однако к подобной тактике декабристы прибегали не только во время следствия. В первые же дни после появления в печати речи Александра I некоторые декабристы обращались к содержащимся в ней конституционным обещаниям как к прикрытию для пропаганды своих идей. В. И. Семевский доказал, что уже в 1818 г. Пестель воспользовался речью Александра I в целях пропаганды; он уверял, что «воля монарха стремится к развитию конституционных идей в русском юношестве и в войсках»³⁹.

Аналогичную попытку сделал в начале 1818 г. Н. И. Тургенев, воспользовавшийся кратковременной растерянностью цензуры после речи Александра I, чтобы развернуть агитацию в печати за освобождение крестьян.

2 апреля 1818 г. Н. И. Тургенев писал брату Сергею за границу о впечатлении, которое произвела в Петербурге речь Александра I, и о своем скептическом отношении к ней: Английские клубисты толкуют речь по-своему! „Добираются до нас“, — говорят они; а я им отвечаю: „К несчастью вряд ли доберутся!“». Но, выражая свое недоверие к конституционным обещаниям царя, Н. И. Тургенев тут же намекал, что речь

Александра I создает на время благоприятные условия для пропаганды антикрепостнических взглядов: «Можно, по крайней мере, надеяться, что свободное можно будет об этом писать, если кто захочет (...) Однако и за то спасибо»⁴⁰.

Учитывая открывшуюся возможность «писать, если кто захочет», и понимая, что возможность эта продлится очень недолго, Н. И. Тургенев прежде всего спешит с опубликованием своего «Опыта теории налогов». В упомянутом письме к брату он добавляет: «Я наконец решился напечатать мою теорию налогов и завтра отдаю в цензуру. Так как у меня есть слова два-три о рабстве, то я надеюсь, в случае затруднения от цензора, сослаться на речь варшавскую».

О том, как торопился Н. И. Тургенев, чтобы не упустить благоприятный момент, свидетельствует то, что он уже через три дня добился цензурного разрешения на выпуск книги и поспешил сдать рукопись в типографию. «Сегодня Тимковский <цензор> подписал пропуск моей книге, и сегодня же я отдал ее Гречу, и сегодня же написал предисловие», — записывает он 6 апреля 1818 г. в дневнике⁴¹.

Н. И. Тургенев побуждает своего друга, профессора Царскосельского лицея, учителя Пушкина, А. П. Куницына, написать для «Сына отечества» статью «О состоянии иностранных крестьян», направленную против крепостнических статей «Духа журналов» и посвященную изображению преимуществ, которые имеет положение свободных крестьян перед крепостными. Написанная очень резко и смело статья Куницына, появившаяся в 17 № «Сына отечества» (ценз. разр. 23 апреля), привлекла к себе широкое внимание, вызвала много толков и посеяла тревогу среди крепостников⁴². 10 мая Н. И. Тургенев с удовлетворением констатирует в дневнике, что статья Куницына произвела «замечательное впечатление»; через несколько дней, в письмах к П. А. Вяземскому и к брату, он обращает их внимание на эту статью и сообщает, что она написана по его просьбе⁴³.

О впечатлении, вызванном статьей Куницына, мы можем судить по тому, что издатель «Духа журналов» Г. М. Яценков не решился на нее отвечать. Судя по позднему объяснению Яценкова, представленному в цензуру, он считал, что статья Куницына была одобрена правительством. Появление этой статьи он воспринял как свидетельство перемены правительственного курса в крестьянском вопросе и поспешил сам соответственно переменить курс: еще в начале апреля в «Духе журналов» была помещена статья «Что значит слово *раб?*», восхвалившая крепостничество; в следующей книжке после появления статьи Куницына журнал напечатал речь малороссийского военного губернатора Н. Г. Репнина, обращенную к полтавскому и черниговскому дворянству, автор которой, хотя и не посягал на крепостное право, однако призывал помещиков к добровольному ограничению крестьянских повинностей⁴⁴.

Публикация статьи Куницына и — под непосредственным влиянием этого — публикация в «Духе журналов» речи Репнина, также, возможно, инспирированной в определенной степени декабристскими кругами (правителем канцелярии Репнина был член Союза Благоденствия М. Н. Новиков, адъютантом Репнина — М. И. Муравьев-Апостол; сам Репнин был старшим братом С. Г. Волконского), вызвали немедленное вмешательство высших властей. 14 мая министр народного просвещения А. Н. Голицын издал известное предписание, запрещавшее цензуре впредь пропускать в печать статьи «ни в защищение, ни в опровержение вольности или рабства крестьян, не только здешних, но и иностранных»⁴⁵.

В. И. Семевский высказал предположение (перешедшее механически во многие позднейшие работы), что непосредственной причиной этого предписания было появление речи Репнина⁴⁶. Однако более, чем речь Репнина,

вызвала тревогу властей статья Куницына «О состоянии иностранных крестьян». Об этом писал 30 октября 1818 г. Вяземскому А. И. Тургенев: «Не „Дух журналов“ запрещен, а запрещено, по случаю напечатания в „Сыне отечества“ пиесы в пользу крестьян, писать про и contra* свободы мужиков, как наших, так и иностранных, дабы тем не произвести пустых толков и не навлечь плетей на московских и провинциальных хамов»⁴⁷.

В тех же антикрепостнических целях использовал цензурное облегчение писатель-радищевец С. К. фон Ферельтц, автор сатиры «Путешествие критики», книга которого вышла в 1818 г., хотя она была разрешена цензурой за восемь лет до того⁴⁸.

После мая 1818 г. открыто выступать в печати с критикой крепостного права стало надолго невозможным. Лишь в отдельных книгах научно-теоретического характера, вышедших в 1819—1820 гг., проскользнули замечания, направленные против крепостничества (так, в 1819 г. был переиздан «Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева, тогда же вышла вторая часть «Начертания статистики Российского государства» К. И. Арсеньева, в 1820 г. — «Естественное право» А. П. Куницына). Однако, несмотря на то, что попытки Н. И. Тургенева выступить против крепостного права сразу же натолкнулись на серьезные препятствия, это отнюдь не означало, что декабристские круги отказались от дальнейших попыток воздействия на более широкое общественное мнение в пользу освобождения крестьян. Эти попытки принимают в следующий период лишь другую форму.

К апрелю — маю 1818 г. относится записка по крестьянскому вопросу одного из организаторов Союза Спасения и видного участника Союза Благоденствия (впоследствии отошедшего от декабристского движения) А. Н. Муравьева⁴⁹. Записка эта была представлена им Александру I. Но назначение ее было, повидимому, шире: написанная в ответ на речь калужского губернского предводителя дворянства, крепостника Н. Г. Вяземского, записка Муравьева, так же, как и речь Вяземского, распространялась в копиях. Это видно из того, что о ней упоминает в своих «Записках» С. П. Трубецкой⁵⁰ и что скрытая цитата из записки Муравьева, как нам удалось установить, содержится в упоминавшемся выше дневнике, который вел летом 1818 г., находясь в Тульской губернии, А. А. Тучков⁵¹. В своей записке Муравьев (примыкавший к правому крылу Союза Благоденствия) подвергал резкой критике утверждения крепостников о якобы патриархальном характере отношений между помещиком и крестьянами; но в своих конечных выводах он склонялся к довольно умеренному требованию, чтобы «появления помещиков и подвластных совершенно были определены справедливым, неперменным, постоянным законоположением». Позднее, уже после появления пушкинской «Деревни», в декабре 1819 г., Н. И. Тургенев, по инициативе Ф. Н. Глинки, также пишет для представления Александру I записку «Нечто о крепостном состоянии в России», содержащую всестороннее изображение положения крепостных и дворовых, анализ наиболее тяжелых форм угнетения крестьян и программу самых необходимых первоочередных мер по крестьянскому вопросу, которые могли бы послужить подготовкой к будущему освобождению⁵².

Записки о положении крестьян, подававшиеся Александру I и одновременно предназначавшиеся для более или менее широкого распространения в обществе, — такова одна из форм легальной деятельности декабристов в 1818—1819 гг., направленной к освобождению крестьян. Другая форма ее — стремление повлиять на общественное мнение путем личного примера. К лету 1819 г. относится известная попытка И. Д. Якушкина

* за и против (лат.).

освободить своих крепостных. Написанное Якушкиным в связи с этим заявление вместе с его «Мнением смоленского помещика об освобождении крестьян от крепостной зависимости» распространялись им как образец для желающих последовать его примеру⁵³. Несколько раньше, вероятно в конце 1818 или в начале 1819 г., аналогичный опыт, по свидетельству Д. И. Завалишина, предпринял другой видный декабрист — М. С. Лунин, с которым Пушкин в это время был уже знаком (с Якушкиным поэт познакомился в начале 1820 г.). Натолкнувшись на сопротивление властей, Лунин был вынужден отказаться от плана самому освободить крестьян и составил завещание, в котором поручал осуществление этого плана брату⁵⁴. Наконец, Н. И. Тургенев вместе с своим старшим братом, А. И. Тургеневым и П. А. Вяземским пытался в начале 1820 г. реализовать более широкий план: с помощью привлечения группы влиятельных аристократов, сторонников крупного капиталистического землевладения, он хотел добиться у правительства разрешения на организацию легального общества, члены которого получили бы право на добровольных началах отпускать на свободу своих крепостных⁵⁵.

Таким образом, 1818—1819 гг. были не только годами общего подъема пропагандистской деятельности декабристов, но и годами разнообразных, постоянно возобновлявшихся попыток со стороны декабристских кругов способствовать «распространению убеждения в необходимости освобождения крестьян» (в соответствии с теми задачами, которые ставил перед ними устав Союза Благоденствия)⁵⁶. На этом историческом фоне и должна восприниматься «Деревня».

Следует напомнить, что в 1819 г. Пушкин был связан с Союзом Благоденствия не только через «Зеленую лампу», но и через журнальное общество, собиравшееся у Н. И. Тургенева⁵⁷. Одной из главных целей, которую ставил Тургенев перед проектируемым им в это время журналом, была борьба против «рабства»⁵⁸. Намечая издание журнала с 1820 г., Н. И. Тургенев требовал, чтобы участники его готовили материал за полгода вперед, а в письме к брату от 24 января 1819 г. указывал, что будущие участники журнала «разделили между собою работу»⁵⁹. В записке «Нечто о крепостном состоянии в России» Н. И. Тургенев (ссылаясь на полемику «Сына отечества» с «Духом журналов» 1818 г. и вызванное ею министерское запрещение) требовал у правительства «гласности в отношении крепостного состояния крестьян»⁶⁰, имея при этом в виду, несомненно, проектируемый журнал. Невольно напрашивается предположение о непосредственной связи «Деревни» с участием Пушкина в подготовке неосуществленного журнала Н. И. Тургенева.

Говоря о связи «Деревни» с идеями раннего декабризма, следует в заключение подчеркнуть одну особенность позиции молодого Пушкина в освещении крестьянского вопроса. Особенность эта осталась неотмеченной исследователями творчества поэта.

Выступая в «Деревне» против «дикого барства», Пушкин защищает не только личную свободу крестьянина, которая должна быть ограждена «законом», но и его «собственность». Давая обобщающую характеристику рабства, Пушкин наделяет его эпитетом «тощее», то есть нищее, голодное, обобранное помещиком. Пушкин характеризует «рабство» не только как юридическое, но, прежде всего, как материальное угнетение крестьянина. Возмущение поэта вызывает не только то, что крепостной крестьянин лишен права свободно распоряжаться своей жизнью и своим трудом, что над ним тяготеет «ярем» помещичьей власти, но и то, что он лишен собственности: он работает в поле, «склонясь на чуждый плуг», да и самое поле, — «бразды», по которым он ведет свой плуг, — принадлежит не ему, а «неумолимому владельцу».

Этот протест молодого Пушкина против помещика — «неумолимого владельца» не только личности крестьянина, но и крестьянской пашни — заслуживает особого внимания. В 1818—1819 гг., в пору написания «Деревни», большая часть членов Союза Благоденствия еще отстаивала идею безземельного освобождения крестьян. Опыт общественной жизни не успел еще в это время показать, что освобождение крестьян без земли было выгодно лишь помещику и неизбежно сыграло бы на руку реакции. Идею безземельного освобождения выдвигали в это время не только Якушкин и Лунин, но и Пестель, и Н. И. Тургенев, несмотря на колебания последнего в этом вопросе ⁶¹. Лишь в следующий период, в 1821—1823 гг., наиболее передовые и выдающиеся из декабристов склоняются к тому, что освобождение крестьян должно сопровождаться наделением их земельными участками.

Несомненно, молодой Пушкин в 1819 г. не размышлял над крестьянским вопросом так разносторонне и углубленно, как П. И. Пестель, Н. И. Тургенев и другие руководители Союза Благоденствия. И однако в освещении темы крепостного права уже в «Деревне» сказались реалистичность, свойственная мышлению Пушкина. Непосредственность пушкинского протеста, близость поэта к действительности, его внимание к нуждам и настроениям народных масс подсказали ему, что, трудясь на земле помещика, крестьянин не может быть реально-свободным. В этом заключается одна из очень важных сторон исторического значения пушкинской «Деревни».

V

Как известно, «Деревня» была осенью 1819 г. представлена Александру I, который лицемерно велел передать поэту благодарность за добрые чувства, которые он вызывает. Это не помешало Александру I через полгода сослать Пушкина на юг за «возмутительные стихи», к которым причислена была и «Деревня».

Однако литературно-общественная борьба вокруг «Деревни» началась еще до ссылки Пушкина, сразу после ознакомления со стихотворением ближайшего окружения поэта. Из записок и показаний декабристов мы знаем, что «Деревня» сыграла значительную роль в формировании их революционных взглядов; с другой стороны, уже с первых дней после возвращения Пушкина в 1819 г. из Михайловского его новое стихотворение вызвало критические возражения, исходившие от группы его друзей старшего поколения, не принадлежавших к освободительному лагерю. Этот эпизод из жизни Пушкина не привлекал к себе до сих пор внимания биографов поэта.

Выше цитировалось письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 26 августа 1819 г., в котором Тургенев находил в «Деревне», наряду с «сильными и прелестными стихами», — «преувеличения». Этот отзыв А. И. Тургенева о «Деревне» отражал его устойчивое отношение к пушкинскому стихотворению: сообщая Вяземскому через несколько дней (3 сентября) о чтении у А. И. Голицыной, в присутствии Пушкина, стихотворения Вяземского «Сибирякову» (посвященного крепостному поэту И. С. Сибирякову, за выкуп которого его помещик Маслов требовал 10 000 рублей), А. И. Тургенев писал: «Пушкин бесится, что ты отнял у него такой богатый сюжет, а я этому рад, ибо он *пересолил бы самое негодование*» ⁶². Не может быть сомнения, что эти слова, написанные через неделю после вышеприведенного отзыва Тургенева о «Деревне», находятся в непосредственной связи с отношением его к пушкинской трактовке крепостного права: более умеренную трактовку этой темы Вяземским Тургенев противопоставлял бичующему негодованию Пушкина.

В стихотворении «Сибирякову» Вяземский, как и молодой Пушкин, выступает против крепостнического произвола. Он с негодованием обрушивается на ту знать, которая «нагло торгует» «кровью ближнего» и думает, что бог дал «черни» одни «спины», а барству — «души». Но Вяземский не идет дальше проповеди гуманности, вполне мирящейся с сословным неравенством и даже с существованием крепостного права.

Свобода не в дворцах, неволя не в темницах;
Достоинство в душе...

— заявляет он почти в духе Жуковского: «Свобода в нас самих...».

В стихотворении Вяземского защита прав человека уживается с дворянско-аристократическими сословными представлениями:

Жалею я, когда судьбы ошибкой злой
Простолудин рожден с возвышенной душой...⁶³.

Достаточно вдуматься в смысл приведенных строк, чтобы понять, насколько значительна была та грань, которая отделяла гневный протест молодого Пушкина против крепостного права от стихотворения Вяземского с его проповедью отвлеченного «душевного благородства».

Отсюда и вытекало различное отношение А. И. Тургенева к пушкинской «Деревне» и к стихотворению Вяземского. Что это было именно так, свидетельствует письмо А. И. Тургенева к брату Сергею от 8 сентября 1819 г. в Париж. Посылая стихотворение Вяземского, А. И. Тургенев писал о нем: «Много есть сильных стихов; но долго еще не удастся их напечатать; да теперь бы они и Сибирякову во вред послужили и не достигли бы цели своей. Жуковский справедливо замечает, что эта пиеса должна действовать на общее мнение; надобно, чтобы она говорила более чувству, более пробуждала душу величием предмета, нежели унижала ее оскорблением. Поэт хочет познакомить грубые души с прекрасным — пусть он представит им это прекрасное, — растолковать их сон; не отвращать их от *жизни*, говоря им с сильным красноречием, что они *мертвецы*; перелить в них эту жизнь живым словом убеждения; а не убийственным словом презрения или негодования. Надобно нашим *хамам* (техническое слово, введенное во всеобщее употребление брат^{ом} Николаем) представить необходимость уважать достоинство человека и свободы и разбудить, wie gesagt *, ее чувством, а не оскорблением. Язык чувства украсит высокую должность примирителя и защитника прав человечества и сблизит враждующие партии. Язык оскорбления только произведет взаимное ожесточение; а светильник поэзии не должен быть зажигателем. Он должен согревать, светить и оживлять. Это рассуждение и справедливо и прекрасно. В нем *вся душа слышна Жуковского*»⁶⁴.

Из письма А. И. Тургенева к Вяземскому от 3 сентября 1819 г. видно, что стихотворение, посвященное Сибирякову, было переслано Тургеньевым, по просьбе Вяземского, Жуковскому в тот же день⁶⁵. Следовательно, приводимый Тургеньевым в письме к брату отзыв был дан Жуковским между 3 и 8 сентября. Незадолго до этого Жуковский, как и А. И. Тургенев, повидимому, познакомился с «Деревней». Скорее всего, это произошло во время встречи Пушкина и Жуковского у А. И. Тургенева, 20 августа 1819 г. или несколько дней спустя, 25—26 августа, когда Пушкин вместе с А. И. Тургеньевым приезжали из Царского села к Жуковскому в Павловск⁶⁶. Невольно напрашивается мысль, что сопоставление «Деревни» и стихотворения Вяземского лежало не только в основе отзыва о Пушкине в цитированном выше письме Тургенева к Вяземскому, но

* как сказано (нем.).

и в основе декларации Жуковского, сочувственно воспринятой А. И. Тургеневым как его единомышленником.

Но даже если отказаться от предположения, что сохранный Тургеневым отзыв Жуковского о стихотворении Вяземского (как это, несомненно, имело место в отзыве Тургенева) непосредственно polemически заострен против пушкинской «Деревни», все же этот отзыв и оценка его старшим Тургеневым, как «справедливого» и «прекрасного», представляют значительный интерес для изучения «Деревни» и отношения представителей старшего поколения к взглядам молодого Пушкина.

Муза Пушкина в 1818—1819 гг. — «гроза царей», «свободы гордая певица» («Вольность»). В «Деревне» Пушкин выражает сожаление о том, что ему не дан судьбой «витийства грозный дар». В противоположность этому Жуковский и А. И. Тургенев в 1819 г. выдвигают совсем иную поэтическую программу, распространяя свои требования на освещение в поэзии темы крепостного права. Из литературно-эстетической программы, сформулированной в письме, — выступать «примирителем», а не возбуждать «негодование», — и вытекали упреки Тургенева Пушкину, что он в «Деревне» допустил «преувеличения», а в послании крепостному поэту «пересолил бы самое негодование».

Так в 1819 г., в связи с обсуждением вопроса о поэтическом освещении темы борьбы с крепостным правом, выявилась резкая противоположность двух общественно-литературных программ — программы молодого Пушкина, объединявшей его с декабристами, и программы бывших «старших» арзамасцев — Жуковского и А. И. Тургенева. Жуковский и А. И. Тургенев предназначали поэту роль не борца, а «примирителя», апеллирующего к добрым чувствам дворянского общества. Молодой Пушкин в «Деревне» (хотя отдавая дань своему времени, он еще верил в возможность освобождения крестьян «сверху») выступает непримиримым противником, беспощадным, грозным обличителем рабства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Якушкин, стр. 41; Пушкин, стр. 114. — П. А. Бестужев, говоря на следствии о «различных рукописях», способствовавших зарождению у него «мыслей свободных», поставил на первое место «Вольность», на второе — «Деревню» (П. Е. Щеголев. Пушкин. Очерки. СПб., 1912, стр. 231).

² Н. Л. Бродский. А. С. Пушкин. Биография. М., 1937, стр. 129.

³ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, стр. 184, 186.

⁴ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.—Л., 1950, стр. 171; ср. А. М. Гордич. Пушкинский заповедник. М.—Л., 1952, стр. 42—44.

⁵ «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. I. М.—Л., 1936, стр. 198.

⁶ «Ост. архив», т. I, стр. 296 (курсив наш). Вяземский отвечал Тургеневу в конце августа: «Ты мне Пушкина стихов не присылал: давай!» (там же, стр. 298).

⁷ Письма Н. Тургенева, стр. 15, 257, 259 и далее.

⁸ Семевский, стр. 106—108.

⁹ «Вестник Европы», 1900, № 8, стр. 685—696.

¹⁰ ВД, т. II, стр. 166.

¹¹ Пушкин, т. XI, стр. 258.

¹² Интересное мемуарное свидетельство об отражении псковского быта в творчестве Пушкина см. в кн.: П. П. Соколов. Воспоминания. Л., 1930, стр. 56.

¹³ П. В. Анненков. А. С. Пушкин в александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 12—13; Д. В. Философов. Старое и новое. М., 1912, стр. 125—137; А. В. Тыркова. А. П. Философов и ее время. Пг., 1915, стр. 18—27, 89—90. Наиболее полная сводка опубликованного фактического материала о быте и нравах псковского барства и о положении крепостных крестьян в связи с анализом «Деревни» и позднейших произведений Пушкина дана в статье М. Столярова (С. Ашевского) «Псковская губерния в поэзии Пушкина» (в кн. «Поэзия свой край»). Сборник Псковского общества краеведения, вып. 1, 1924, стр. 26—39). Из биографических работ о Пушкине собранный Ашевским фактический материал полнее других учтен в кн.: Л. П. Гроссман. Пушкин. М., 1939 (серия «Жизнь замечательных людей»), стр. 186—187.

¹⁴ См. нашу статью «Пушкин и крестьянские волнения 1826 года». — «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 195—210.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. № 1167, 1828 г., оп. 28, д. 135, л. 6—6 об.

¹⁶ Записки Паудлуччи были рассмотрены Комитетом 27 февраля 1829 г. Отвергнув предложение Паудлуччи запретить псковским помещикам без суда ссылать крестьян в Сибирь, Комитет отмечал, что злоупотребление помещичьей властью «приметно уменьшилось и впредь уменьшаться будет» и что «существующие в государственном устройстве недостатки не могут быть исправлены переменахми внезапно, иногда подвергающимися опасности общее спокойствие». Журнал заседаний Комитета 23 апреля 1829 г. был утвержден Николаем I (см. «Сборник Русского исторического общества», т. 74, СПб., 1891, стр. 376—378).

¹⁷ Население Псковской губернии в 1816 г. составляло около 780 000 чел. (К. И. Арсеньев. Начертание статистики Российской государства, ч. 1. СПб., 1818, стр. 54). По 6-й ревизии (1812) в Псковской губернии было помещичьих крестьян: одного мужского населения 216 750; следовательно, всего около 430 000 чел. (К. Герман. Статистические исследования относительно Российской империи, ч. 1. СПб., 1819, стр. 115).

¹⁸ И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925, стр. 73—75.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. № 1263, 1826 г., оп. 45, д. 458, л. 274 об.

²⁰ Пушкин, т. XI, стр. 267; ЦГИАЛ, ф. № 1167, 1828 г. оп. 28, д. 135, л. 7 об.; там же, ф. № 1286, 1819 г., оп. 2, д. 191, л. 19.

²¹ ЦГИАЛ, ф. № 1263, 1826 г., оп. 45, д. 458, л. 274 об.; ср. Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.—Л., 1946, стр. 89—91.

²² Там же, ф. № 1286, 1818—22 гг., оп. 2, л. 302, лл. 180—208, 375—383, 485—488. Краткое изложение дела Кашталинского дано в кн.: С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности комитета министров, т. I. СПб., 1902, стр. 337—338. Подробное описание волнений крестьян Кашталинского см. в статье: И. И. Игнатович. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. — «Вопросы истории», 1940, № 9, стр. 56—62.

²³ Пушкин, т. XI, стр. 257.

²⁴ Д. В. Философов. Указ. соч., стр. 131—137.

²⁵ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I. СПб., 1888, стр. 468—476.

²⁶ Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф. псковского губ. прокурора, 1824 г., оп. 1, д. 42, лл. 2—10. — В 1826 г. в имении Баранова произошло волнение крестьян (см. нашу указанную выше статью, стр. 204).

²⁷ ГАПО, ф. псковского губ. прокурора, 1819—23 гг., оп. 1, д. 8, лл. 33—35. — О положении крестьян Абрютинной великолуцкий уездный предводитель дворянства доносил 2 апреля 1819 г.: «... обращается с ними очень строго, и сама малейшая вина не проходит без наказания, крестьяне отягощаются господскими работами в рассуждении хлебопашества, и <...> ни один крестьянин не имеет способов заняться во-время своей пашней и уборкой хлеба, не окончива господской, и почти все без изъятия по окончании господской работы и по праздникам ходят, прося подавание...» (там же, лл. 28—29). О том, что вменялось в вину крестьянам, мы можем судить на основании следующих красноречивых документов. В феврале 1826 г. возникло дело о покушении на самоубийство дворовой женщины новоржевских помещиков Нелединских, Агафьи Демидовой. При расследовании она показала: «... с начала ее в село Кошелево прибытия находилась она при детях госпожи ее нянкой, а прошлого 1825 г. определена кухаркой. В сие время неоднократно, и даже случилось что в неделю раз до трех, была наказываема от госпожи ее плетьюми и розгами чрез дворовых людей Митрофана, Семена и мальчика Степана единственно за то, будто бы, что она не умеет готовить для них кушанья, отчего неоднократно и имела знаки от побоев, чего не вытерпя, прошлого 1825 г. в великом посту решила утопиться, влезла в колодезь, отколь дворовые женки Анна и Надежда уже вынули ее без чувствия. А сего месяца, назад тому недели с полторы, сготовила она яблочный пирог, подала на стол во время обеда, который будто бы дурно изготовлен, была она нещадно наказана розгами, чего не вытерпя в прошлую субботу решила кончить сама себе жизнь <...> и сделала сама себе два в живот удара пожом» (ГАПО, ф. канцелярии псковского губернатора, 1826—27 гг., оп. 1, д. 758, лл. 2—5 об.).

²⁸ ГАПО, ф. псковского губ. прокурора, 1819—22 гг., оп. 1, д. 9, лл. 1—2.

²⁹ См. указ. соч.: Д. В. Философова (стр. 130), А. В. Тырковой (стр. 18—30), М. Столярова (стр. 36).

³⁰ А. В. Тыркова. Указ. соч., стр. 18.

³¹ Д. В. Философов. Указ. соч., стр. 130.

³² Я. Н. Толстой. Мое праздное время, или собрание некоторых стихотворений. СПб., 1821, стр. 33—34 (послание к Пушкину — там же, стр. 48—51); Б. Л. Модзалевский. К истории «Зеленой лампы», — «Декабристы и их время», I, стр. 16.

³³ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I, стр. 716.

³⁴ А. В. Тыркова. Указ. соч., стр. 89—90.

³⁵ ЦГИАЛ. ф. № 1167, 1828 г., оп. 28, д. 135, л. 8; ГАПО, ф. псковского губ. прокурора, 1826—28 гг., д. 48; ф. канцелярии псковского губернатора, 1832—33 гг., оп. 1, д. 1063.— О жестоком обращении Горяинова с его рязанскими крестьянами см.: А. Д. П о в а л и ш и н. Очерки крепостного права. Жестокое обращение помещиков со своими крепостными.— «Труды Рязанской ученой архивной комиссии», т. XI, вып. 2, 1896, стр. 117—118.

³⁶ Материалы по истории крестьянского движения в Псковской губернии в 1797—1861 гг. подготовлены к изданию в виде отдельного сборника группой работников Псковского гос. педагогического института и Гос. архива Псковской области. С разрешения редакции сборника в настоящей статье использованы некоторые его материалы, за что мы приносим благодарность.

³⁷ П у ш к и н, т. XI, стр. 15.

³⁸ См. исследования М. В. Нечкиной: «Союз Спасения» («Исторические записки», вып. 23, 1947, стр. 149, 151, 156 и др.) и «Священная артель» («Декабристы и их время», 1951, стр. 174—180).

³⁹ С е м е в с к и й, стр. 273.

⁴⁰ «Письма Н. Тургенева», стр. 255.

⁴¹ «Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 122.

⁴² «Сын отечества», 1818, № 17, стр. 162—186.— Указанная статья Куницына, так же, как две другие его статьи, напечатанные непосредственно вслед за ней в «Сыне отечества» — «О конституции» (1818, № 18, стр. 202—211; под статьей дата: «9 апреля») и «Рассмотрение речи г. президента Академии наук и попечителя СПб. учебного округа, произнесенной <...> 22 марта 1818 г.» (1818, № 23, стр. 136—146), в которых Куницын выступал в защиту конституции и представительного правления, не раз привлекали к себе внимания исследователей (см., например: В. И. Семевский. Н. И. Тургенев о крестьянском вопросе в царствование Александра I.— «Вестник Европы», 1909, № 2, стр. 557 и его же «Политические и общественные идеи декабристов», стр. 274—275; А. Н. Шебуни. Н. И. Тургенев. М., 1925, стр. 65; Базанов, стр. 133—134). Однако исследователи обычно рассматривали эти три статьи отдельно и поэтому не обратили внимания на то, что они являются звеньями единого тактического замысла: Куницын стремился использовать в них неопределенные обещания Александра I, на которые он ссылался во всех трех статьях, как своего рода пируму для пропаганды идей освобождения крестьян и конституционной монархии. Этот общий замысел Куницына был подсказан ему, повидимому, Н. И. Тургеневым: о первой из статей Куницына Тургенев сообщил, что она была написана «по его просьбе»; со статьей Куницына о речи Уварова Н. И. Тургенев, как видно из его письма к брату Сергею от 15 июня 1818 г., ознакомился в рукописи, до прохождения ее через цензуру («Письма Н. Тургенева», стр. 263). Пользуемся случаем исправить неточность, вкрадшуюся в книгу В. Г. Базанова «Вольное общество любителей российской словесности»: комментируя роль Н. И. Тургенева в создании статьи о иностранных крестьянах, Базанов называет Тургенева уже в это время «одним из руководителей Союза Благоденствия» (стр. 133); между тем Н. И. Тургенев вступил в Союз Благоденствия позже, в конце 1818 г. (см. об этом: А. Н. Шебуни. Н. И. Тургенев в тайном обществе декабристов. — «Декабристы и их время», I, стр. 130).

⁴³ «Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 124; «Ост. архив», т. I, стр. 102; «Письма Н. Тургенева», стр. 263.

⁴⁴ «Беседы в Обществе любителей российской словесности при имп. Московском университете», 1871, вып. 3, стр. 21—24; «Дух журналов», 1818, ч. XXVI (кн. 14 от 3 апреля) — «Что значит слово *раб?*», стр. 103—118; ч. XXVII (кн. 20 от 15 мая) — «Речь, произнесенная г. малороссийским военным губернатором генерал-адъютантом кн. Н. Г. Репниным <...> в Полтаве 3-го, а в Чернигове 20 января 1818 г.», стр. 125—136.

⁴⁵ М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889, стр. 429 и 519; В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. I. СПб., 1888, стр. 405. Предписание это было подтверждено в 1821 г. Комитетом министров.

⁴⁶ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос..., т. I, стр. 404—406; К. А. Пажинов. Экономические воззрения декабристов. М., 1945, стр. 73.

⁴⁷ «Ост. архив», т. I, стр. 137; ср. там же, стр. 102 и «Письма Н. Тургенева», стр. 261, 263, 267.

⁴⁸ А. В. Кокорев. «Путешествие критики» — социальная сатира писателя-радищевца.— В кн.: «Путешествие критики» ...Сочинение С. фон. Ф. Изд. МГУ, 1951, стр. 8.

⁴⁹ «Ответ сочинителю речи» «О защите права дворян на владение крестьянами». — «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 43—50.

⁵⁰ Т р у б е ц к о й, стр. 18.

⁵¹ 6 августа 1819 г. А. А. Тучков писал: «Свобода не замедлит привести в цветущее состояние сословие людей (по словам одного почтенного человека), *прокормляющее и обогащающее всю Россию, сословие, дающее самое большое число защитников отечеству*, и потому сословие, достойное уважения» («Вестник Европы», 1900, № 8, стр. 695—696). Это — слова А. Н. Муравьева (из его записки, стр. 44).

⁵² «Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 219—222, 416—433.

⁵³ Я к у ш к и н, стр. 463—466 и прим. к ним, стр. 688—690.

⁵⁴ Д. И. З а в а л и ш и н. Декабрист М. С. Лунин. — «Исторический вестник», 1888, № 1, стр. 149; «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма». Ред. и прим. С. Я. Штрайха. СПб., 1923, стр. 85—87; М. А. Ц я в л о в с к и й. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I, стр. 165 и 202.

⁵⁵ «Ост. архив», т. II, стр. 13—22; А. Н. Ш е б у н и н. Пушкин и «Общество Елизаветы». — «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. I. М.—Л., 1936, стр. 87—89 (там же указана предшествующая литература); ср. также: Б а з а н о в, стр. 194—195.

⁵⁶ Т р у б е ц к о й, стр. 20.

⁵⁷ А. Н. Ш е б у н и н. Н. И. Тургенев в тайном обществе декабристов, стр. 130—131; е г о ж е. Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи. — В кн.: «Письма Н. Тургенева», стр. 70—75; П у ц и н, стр. 116.

⁵⁸ «Письма Н. Тургенева», стр. 273—274; ср. позднейшие указания Н. И. Тургенева об этом же в его второй оправдательной записке. — «Красный архив», 1925, № 6, стр. 78—79.

⁵⁹ «Письма Н. Тургенева», стр. 273—274.

⁶⁰ «Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 432—433.

⁶¹ К. А. П а ж и т н о в. Экономические воззрения декабристов, стр. 43—44 66—70, 81—82.

⁶² «Ост. архив», т. I, стр. 303—304. — Курсив наш.

⁶³ П. А. В я з е м с к и й. Избранные стихотворения. Редакция, статья и комментарии В. С. Нечаевой. М.—Л., 1935, стр. 144—147. — Курсив наш.

⁶⁴ ИРЛИ, ф. № 309, архив братьев Тургеневых, ед. хр. 384, л. 39 об. — С неправильной датировкой (2 сентября) и с мелкими неточностями это письмо цитировалось в вышеуказанной статье А. Н. Шебунина «Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи», стр. 62.

⁶⁵ «Ост. архив», т. I, стр. 302.

⁶⁶ М. А. Ц я в л о в с к и й. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I, стр. 188—189.